

Глава 13: Надеть новую одежду и... эти украшения?!

– Младшая сестрёнка Цин такая красивая!

– Разве это платье не слишком свободное на тебе?

– А что это за штуки такие?

В просторной комнате для отдыха собралась группа танцовщиц в длинных красных платьях с широкими рукавами. Они обступили Е Цин, разглядывая её новое платье, такое же, как у них. Одна из девушек держала в руках странный предмет — пара круглых шариков, соединённых тканевой лентой. Она вертела его в руках, удивлённо спрашивая у остальных, для чего это нужно.

Большинство девушек лишь пожимали плечами, не зная ответа. Но Е Цин была куда более искушённой — она многое повидала. На сайтах вроде Таобао (аналог китайского маркетплейса) она встречала вещи и похлеще. Одного взгляда на этот странный аксессуар ей хватило, чтобы понять его предназначение. Сравнив его со своей плоской грудью, она только вздохнула, мысленно возмущившись:

«И кто вообще до такого додумался?»

Пока девушки оживлённо обсуждали новинку, у двери появилась мама Лю с двумя служанками. Услышав шум в комнате, она слегка постучала по дверному косяку своей тонкой плетёной тростью. Комната мгновенно погрузилась в тишину.

– Е Цин, – её голос прозвучал строго. – Сегодня твоя первая тренировка вместе с сёстрами. Чтобы ты быстрее привыкла, с этого дня ты должна постоянно носить это. Снимать можно только на ночь, во время сна. Ясно?

Мама Лю смотрела на Е Цин с холодной суровостью. В отличие от остальных девушек, которых она ласково называла «Юй-эр» или «Де-эр», к Е Цин она всегда обращалась по имени.

Е Цин вовсе не хотелось соглашаться, но она понимала, что сопротивляться в этом месте бессмысленно. Если она начнёт перечить, никто её защищать не будет — управляющий Чжан, который однажды вступился за неё, в этот раз вряд ли придёт на помощь.

Она взяла у одной из танцовщиц этот странный «аксессуар» — два искусственных шарика на ленте — и скептически спросила:

– Это вообще работает?

– Работает или нет, сама увидишь, когда наденешь! – холодно ответила Лю мама, бросив пренебрежительный взгляд на плоскую грудь Е Цин. На её лице промелькнула едва заметная насмешка, явно давая понять, что её совсем не впечатляет «каменная стена» у девушки.

Но такие попытки задеть её не имели никакого эффекта. Е Цин и бровью не повела, и лишь про себя подумала:

«Ну, уж нет, на меня это не действует!»

Поняв суть происходящего, остальные танцовщицы покраснели. Им стало ясно, что эти шарики нужны, чтобы придать «форму» там, где её не было. Их взгляды непроизвольно скользили к груди Е Цин, и, увидев, насколько она плоская, они даже начали её немного жалеть.

Е Цин, конечно, не слишком переживала по этому поводу, но от пристальных взглядов становилось не по себе. В душе она злилась:

«Вот если бы мой «второй брат» не исчез, я бы показал вам, кто тут главный!»

Правда, говорить такое вслух было бессмысленно — никто бы ей не поверил, а наоборот, лишь подняли бы на смех. Оставалось только мысленно ворчать.

За последние дни она уже успела сдружиться с семью танцовщицами. Е Цин всегда вела себя приветливо, с каждой заигрывала, всех называла старшими сёстрами. Лёгкие поддразнивания, весёлые шуточки — всё это помогало ей войти в их круг и стать «своей».

Но больше всего Е Цин злило то, что её кожа, такая гладкая и нежная на ощупь, уже давно стала поводом для пересудов. Де-эр растрезвонила всем о её «бархатной коже», и теперь танцовщицы сговорились вместе, чтобы вдоволь полапать её. Наглые, они набегали гурьбой, отщипывали своё «тофу» и мгновенно исчезали, не давая ей шанса ответить тем же. Каждый раз она оставалась в проигрыше, ей только и оставаясь, что тихо злиться.

(Выражение «吃豆腐» (буквально «есть тофу») — это китайский идиоматический оборот, означающий «приставать», «щупать».)

Не обращая внимания на насмешки мамы Лю, Е Цин развернулась и ушла вглубь комнаты. Сделав несколько шагов, она развязала пояс, приспустила одежду и, взяв два тканевых шарика, попыталась уложить их в нижнее бельё. Она аккуратно завязала ленты за спиной, чтобы конструкция держалась.

С её точки зрения, такой метод выглядел абсурдно и вряд ли мог сработать. К тому же сами шарики были так небрежно сделаны, будто тот, кто их собирал, не имел ни малейшего понятия

о пропорциях. Когда она надела их, её грудь тут же вздыбилась до такой степени, что одежда буквально грозила разойтись по швам.

Едва она повернулась к остальным, как из уст танцовщиц раздался дружный возглас удивления и потрясения.

Мама Лю тоже не смогла скрыть лёгкого дёрганья уголков рта. Такое «преображение» выглядело нелепо — да настолько, что, если бы её в таком виде увидели гости, они точно бы разозлились.

Но сейчас уже не было времени что-то менять. Да и, по правде говоря, мама Лю была не прочь выставить Е Цин на посмешище. Она кивнула и нехотя произнесла:

– Похоже, так не годится.... Но сейчас уже поздно что-то исправлять. Пусть пока так, а потом переделаем.

Услышав это, Е Цин почувствовала, как по лбу пробежала тёмная жилка. Всё стало ясно: мама Лю специально хотела, чтобы она оконфузилась!

Стоять в зале с такими «шарами» на груди — разве можно серьёзно ожидать, что гости не заметят? Они наверняка не увидят в ней ни красоты, ни грации. Все взгляды будут прикованы только к нелепым выпуклостям. Она рисковала стать вечным объектом насмешек. Как после такого вообще показываться на глаза людям?

Изначально, узнав о необходимости носить этот «аксессуар», Е Цин хотела лишь потянуть время: пусть и не сопротивляясь, но, по крайней мере, постараться избежать позора. Однако теперь она поняла, что промедление только усугубит её положение. Нужно действовать решительно, иначе стыдно будет именно ей.

– Нет! – Е Цин не стала церемониться: не раздеваясь, она сунула руку за пазуху, схватила оба тканевых шара и выдернула их наружу. С глухим стуком они упали на пол.

– Нет? А что ты предлагаешь? – Мама Лю тут же напряглась, сжала тонкую плетёную трость, явно готовясь применить её при малейшем удобном случае.

– Сегодня я это носить не буду! – Е Цин стояла прямо, её взгляд был холодным и твёрдым. – Я сама сделаю нужное!

Её тон был непоколебим. В её глазах ясно читалось:

«Попробуй только ударь — буду драться до конца!»

Выражение лица Е Цин заставило маму Лю вздрогнуть. Она невольно вспомнила тот день, когда девушка бросилась на неё, и ударила ее в бок, и в тот момент она всерьёз подумала, что кость сломана.

К счастью, обошлось. Но даже спустя столько дней рана всё ещё побаливала. То ли это было внушение, то ли кость так и не срослась как следует, но в глубине души страх перед этой девчонкой уже пустил корни. Однако сейчас, когда вокруг столько людей, взять и отказаться от своих слов — значит уронить свой авторитет.

С другой стороны, если не отступить, кто знает, не метнётся ли эта сумасбродка на нее снова? Тогда уж и вправду отправит её на тот свет.

Мама Лю колебалась. В воздухе повисло напряжение, словно перед схваткой.

Остальные танцовщицы тоже чувствовали, что ситуация близка к повторению событий семидневной давности, и не смели даже дышать громко.

Юй-эр быстро подала знак одной из девушек, та сразу всё поняла, развернулась и поспешила из комнаты — искать управляющего Чжана.

Этот резкий уход не остался незамеченным. Е Цин и мама Лю прекрасно понимали, куда направилась танцовщица. И обе на мгновение испытали облегчение.

Первая — потому что не хотела снова терпеть удары плетью. Вторая — потому что боялась, что девушка снова взбесится. Так что, несмотря на внешнее противостояние, обе негласно согласились выждать момент и дождаться прихода Чжана.

Долго ждать не пришлось.

Управляющий Чжан вскоре вошёл в комнату, нахмурился, уловив накалённую атмосферу, и сразу заговорил:

– Цин, это ещё что такое?

– А что такое? – закатила глаза Е Цин.

Она пнула ногой два шарика, валяющихся на полу, и раздражённо бросила:

– Вот, погляди на это! Мне велели надеть их и выйти к гостям. Это что, чтобы надо мной смеялись? Если я когда-нибудь снова выйду танцевать, то стоит только зрителям увидеть меня, и у них в голове сразу всплывут эти два шара! Какой уж тут танец?!

Управляющий Чжан наблюдал, как два шарика, которые пнула Е Цин, подскакивали на полу, а затем покатались прямо к его ногам. Он сразу всё понял. Даже не глядя, было очевидно, что если закрепить их на груди, вид получится нелепый и совершенно неестественный.

А слова Е Цин и вправду имели смысл. Если бы она надела эти шары и вышла в таком виде, то именно этот образ запомнился бы зрителям. В дальнейшем, даже если бы она танцевала без них, у всех в зале в голове неизменно возникала бы та же ассоциация. В таком случае, какой уж тут танец? Что останется от искусства, если публика будет только смеяться?

Более того, это могло испортить репутацию заведения. А если слухи разойдутся, то даже годами наработанный престиж может полететь в тартарары!

Проблема была куда серьёзнее, чем казалось на первый взгляд.

Мельком обдумав ситуацию, Чжан нахмурился. В его голосе прозвучала жёсткость, но теперь она была направлена не на Е Цин, а на маму Лю:

– Мама Лю, что тут происходит?

– Ай, это моя вина! – поспешно заулыбалась та, сразу осознав, что дело принимает дурной оборот. – Когда заказывали костюм, не особо продумали детали. А когда примерили сегодня, оказалось, что выглядит... ну, не очень.

Она поспешно добавила:

– Но ничего страшного! Я отправлю переделывать, пусть переделывают, пока не будет идеально!

Чжан открыл было рот, но его тут же перебила Е Цин:

– Не утруждайтесь! Здесь все девушки умеют шить, я сама всё придумаю, а они мне помогут сделать как надо!

Она отлично знала эту старую ведьму и не сомневалась — если доверить всё ей, хорошего не жди. А страдать в итоге опять придётся ей самой.

Чжан задумался на мгновение, затем кивнул:

– Что ж.... Пожалуй, так даже лучше.

С этими словами он перевёл взгляд на Юй-эр — главную среди девушек, ту, кого здесь все

звали старшей сестрой.

– Управляющий Чжан, не беспокойтесь! – быстро ответила та, слегка покраснев. – Все девочки хорошо владеют иглой, так что мы обязательно сделаем для сестрёнки Е Цин то, что нужно!

Несмотря на уверенный голос, её щёки оставались пунцовыми. Всё же обсуждать такие вещи в присутствии мужчины было чертовски неловко...

– Тогда так и будет! – Чжан решительно махнул рукой, окончательно закрывая вопрос. Затем он повернулся к Е Цин и сказал:

– Сегодня твой первый день тренировок. Работай, как следует! И без лишних проблем!

Не дожидаясь её ответа, он развернулся и вышел из комнаты.

Мама Лю тоже задержала на Е Цин долгий, внимательный взгляд, после чего, не сказав ни слова, последовала за управляющим.

Юй-эр тут же оживилась и позвала остальных:

– Ладно, девочки, пошли! Собираемся, пора начинать!

Сказав это, она тут же схватила Е Цин за руку и потянула её за собой.

Е Цин, естественно, совсем не горела желанием участвовать в этом, но, сопротивляться было бессмысленно — её буквально вытянули в зал. Там её снова ждала мама Лю.

Прежде чем отойти к остальным, Юй-эр слегка сжала её руку и бросила выразительный взгляд, намекая, что делать дальше. Затем, не говоря ни слова, присоединилась к танцовщицам, которые уже начали разминаться.

В действительности, все тренировки организовывала именно Юй-эр. Мама Лю же лишь наблюдала за процессом.

Е Цин прекрасно понимала смысл этого взгляда, но выполнять его всё равно не хотелось. Тем не менее, с явным нежеланием она подошла к маме Лю, опустила руки вдоль тела и, слегка присев, чётко и безупречно произнесла:

– Доброе утро, мама Лю.

Едва она начала выпрямляться, как вдруг почувствовала резкий удар по руке.

Не такой, как несколько дней назад — без крови, без следов, но всё же ощутимый.

Её губы дёрнулись. Значение этого удара было очевидно: пока мама Лю не кивнёт, вставать нельзя.

(В китайской культуре стойка с приседанием (蹲, qūn) символизирует подчинение, а требование оставаться в ней — форма демонстрации власти.)

Ничего не поделаешь. Пришлось оставаться в неудобной позе, терпеливо дожидаясь её одобрения.

К счастью, мучить её по пустякам сегодня никто не собирался. Мама Лю обошла её кругом, окинула оценивающим взглядом и, наконец, едва слышно хмыкнула.

Е Цин тут же восприняла это как сигнал к спасению и выпрямилась, облегчённо вздохнув.

Чёрт, а ноги-то уже онемели...

– Женщина должна вести себя как женщина! – мрачно произнесла мама Лю, обходя Е Цин кругами. – Поклон ты ещё исполнила сносно, но посмотри на себя со стороны: как ты ходишь, как ешь! Это же просто позор для всех женщин!

– ...Запомни: совершенство скрыто в деталях! С сегодняшнего дня я буду исправлять каждую твою ошибку, шаг за шагом. И если не научишься, как следует, не вини меня за то, что плеть в моих руках окажется безжалостной!

Е Цин молча слушала, сохраняя бесстрастное выражение лица. Она понимала: пока мама Лю не выходит за рамки дозволенного, любое её сопротивление лишь приведёт к наказанию со стороны управляющего Чжана. Поэтому, как бы ни было неприятно, ей приходилось подчиняться. Причём не просто подчиняться, а делать это идеально — иначе старая ведьма непременно найдёт повод её ударить.

– Я сказала всё, что хотела. Как тебе поступить — решай сама, – мама Лю взмахнула тонкой плетью, так что воздух прорезал свист, словно предупреждение.

– Ладно, времени мало, начинаем с разминки! – добавила она и легонько коснулась плетью одной из танцовщиц. Девушка тут же вышла вперёд, элегантно поклонилась и почтительно произнесла:

– Мама Лю.

– Хм. – Мама Лю кивнула. – Хуань-эр, покажи основные движения для Е Цин.

– Есть! – кивнула Хуань-эр, затем повернулась к Е Цин и сказала:

– Сестрёнка, смотри внимательно!

Едва она договорила, как плавным движением скользнула правой ногой по полу, опустившись в идеальный шпагат. Пышные складки алого платья ровно раскинулись по земле, словно раскрывающийся цветок.

Затем, не теряя грации, Хуань-эр легко развернулась, ловко подтянула ноги, оттолкнулась от пола и, опираясь на ладони, изогнула тело, образовав дугу, в которой её ступни почти касались головы.

Связка этих двух сложных движений была настолько плавной и естественной, что казалось, будто Хуань-эр выполняет их без малейшего усилия. Глядя на её гибкое, податливое тело, Е Цин не могла не залюбоваться... ещё чуть-чуть, и она бы поймала себя на том, что сглотнула слюну.

Затем Хуань-эр продемонстрировала ещё несколько невероятных элементов, подчеркивающих гибкость тела. От увиденного у Е Цин буквально рябило в глазах. А на душе становилось всё тяжелее.

Значит, это всё мне придётся освоить?

Просто смотреть было сложно, а уж представить себя выполняющей эти трюки...

Да, у неё была база боевых искусств, но между боевым мастерством и искусством танца — пропасть. Конечно, тренированное тело и хорошая физическая подготовка могли помочь, но сравнивать боевые стойки с грацией гибкой танцовщицы было бессмысленно.

Тем более что в армии её учили лишь жёстким, резким движениям. Вся военная техника строилась на трёх базовых ударах — никаких сложных выкрутасов, только простота, скорость и прямолинейность. Как это могло помочь в танце? Да никак.

– Всё разглядела? – закончив демонстрацию семи движений, Хуань-эр сделала поклон маме Лю. А затем, уходя, подмигнула Е Цин, словно подбадривая её. После чего, не мешкая, вернулась к остальным танцовщицам на сцену.

– Разглядела, – кивнула Е Цин.

– Осознала?

– Осознала.

– Тогда начинаем!

***

<http://bllate.org/book/16041/1431354>